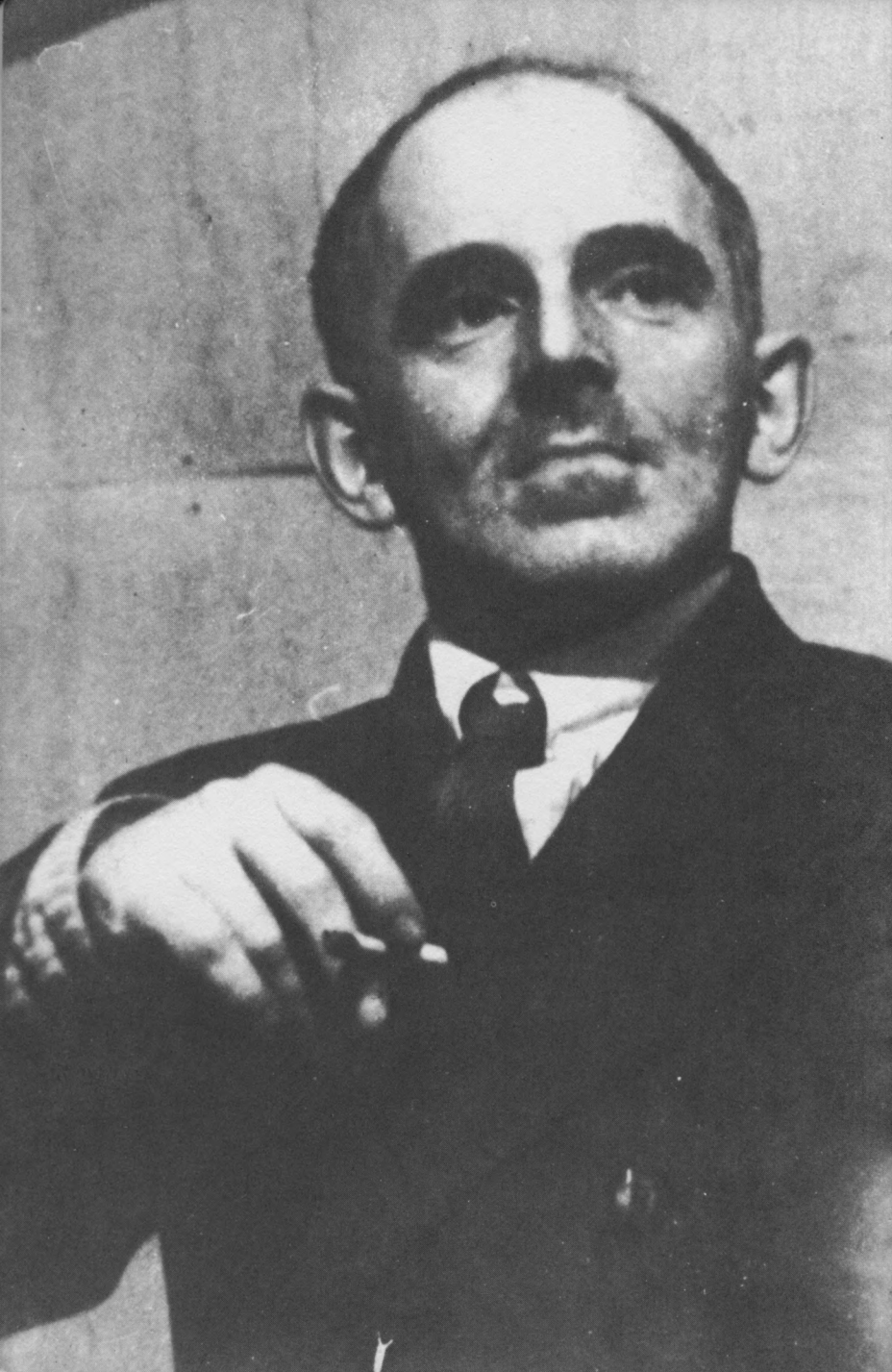

ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ

ВОРОНЕЖСКИЕ
ТЕТРАДИ

ОСИП
МАНДЕЛЬШТАМ

ВОРОНЕЖСКИЕ
ТЕТРАДИ

АРДИС

Приношу глубокую благодарность И. М. Семенко, чья работа над рукописями Мандельштама помогла мне в составлении этой книги, и профессору Кларенсу Брауну, предоставившему мне возможность ознакомиться с архивом поэта, хранящимся в Принстонском Университете.

В. Швейцер

*Подготовка текста, примечания и послесловие
В. Швейцер*

Осип Мандельштам

Воронежские тетради

Copyright © 1980 by Ardis

All rights reserved. ISBN 0-88233-592-8 (cloth), 0-88233-593-6 (paper). Printed in Ann Arbor, Michigan. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior written permission of the publisher, Ardis, 2901 Heatherway, Ann Arbor, Michigan 48104.

**ВОРОНЕЖСКИЕ
ТЕТРАДИ**

ПЕРВАЯ ВОРОНЕЖСКАЯ ТЕТРАДЬ

ЧЕРНОЗЕМ

Переуважена, перечерна, вся в холе,
Вся в холках маленьких, вся воздух и призор,
Вся рассыпаючись, вся образуя хор, —
Комочки влажные моей земли и воли...

В дни ранней пахоты черна до синевы,
И безоружная в ней зиждится работа —
Тысячехолмия распаханной молвы:
Знать, безокружное в окружности есть что-то!

И все-таки земля — проруха и обух —
Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай:
Гниющей флейтою настраживает слух,
Кларнетом утренним зазябливает ухо.

Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь лежит в апрельском повороте!
Ну, здравствуй, чернозем: будь мужествен,
глазаст...
Черноречивое молчание в работе.

Апр. 35 г.

В.

Я живу на важных огородах.
Ванька-ключник мог бы здесь гулять.
Ветер служит даром на заводах,
И далеко убегает гать.

Чернопахотная ночь степных закраин
В мелкобисерных иззябла огоньках.
За стеной обиженный хозяин
Ходит-бродит в русских сапогах.

И богато искривилась половица —
Этой палубы гробовая доска.
У чужих людей мне плохо спится
И своя-то жизнь мне не близка.

Апр. 35 г.

В.

Я должен жить, хотя я дважды умер,
А город от воды ополоумел, —
Как он хорош, как весел, как скуласт,
Как на лемех приятен жирный пласт,
Как степь молчит в апрельском повороте...
А небо, небо — твой Буонаротти!

Апр. 35 г.

В.

Наушники, наушнички мои,
Попомню я воронежские ночки:
Недопитого голоса Аи
И в полночь с Красной площади гудочки...

Ну, как метро? Молчи, в себе таи,
Не спрашивай, как набухают почки...
А вы, часов кремлевские бои —
Язык пространства, сжатого до точки.

Апр. 35 г.

В.

Пусти меня, отдай меня, Воронеж, —
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь —
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож!

Апр. 35 г.

В.

Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова! —
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного.
Нрава он не был лилейного,
И потому эта улица,
Или, верней, эта яма —
Так и зовется по имени
Этого Мандельштама.

Апр. 35 г.
В.

Еще мы жизнью полны в высшей мере,
Еще гуляют в городах Союза
Из мотыльковых, лапчатых материй
Китайчатые платица и блузы,

Еще машинка номер первый едко
Каштановые собирает взятки,
И падают на чистую салфетку
Разумные, густеющие прядки.

Еще стрижей довольно и касаток,
Еще комета нас не очумила
И пишут звездоносно и хвостато
Толковые лиловые чернила.

24 мая 35 г.
В.

КАМА

I

Как на Каме-реке глазу темно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла —
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Там я плыл по реке — с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

И со мною жена — пять ночей не спала,
Пять ночей не спала — трех конвойных везла.

II

Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток —
Полноводная Кама неслась на буюк.

И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посолить,

И хотелось бы тут же вселиться — пойми —
В долговечный Урал, населенный людьми,

И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели — беречь, охранять.

III

Как на Каме-реке глазу темно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде —
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась волна в сто четыре весла,
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Чернолюдьем велик, мелколесьем сожжен,
Пулеметно-бревенчатой стаи разгон.

На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту.
И речная верста поднялась в высоту.

Май 35 г.

В.

СТАНСЫ

Я не хочу средь юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу — и люди хороши.

Люблю шинель красноармейской складки,—
Длину до пят, рукав простой и гладкий
И волжской туче родственный покров,
Чтоб, на спине и на груди лопатясь,
Она лежала, на запас не тратясь,
И скатывалась летнею порой.

Проклятый шов, нелепая затея
Нас разлучили. А теперь — пойми:
Я должен жить, дыша и большевея,
И перед смертью хорошея,
Еще побыть и поиграть с людьми.

Подумаешь, как в Чердыни-голубе,
Где пахнет Обью и Тобол в раструбе,
В семивершковой я метался кутерьме!
Клевещущих козлов не досмотрел я драки —
Как петушок в прозрачной летней тьме —
Харчи, да харк, да что-нибудь, да враки —
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме.

И ты, Москва, сестра моя, легка,
Когда встречаешь в самолете брата
До первого трамвайного звонка:
Нежнее моря, путанней салата —
Из дерева, стекла и молока...

Моя страна со мною говорила,
Мирволила, журила, не прочла,
Но возмужавшего меня, как очевидца,
Заметила — и вдруг, как чечевица,
Адмиралтейским лучиком зажгла... •

Я должен жить, дыша и большевея,
Работать речь, не слушаясь, сам-друг,
Я слышу в Арктике машин советских стук,
Я помню все — немецких братьев шеи
И что лиловым гребнем Лорелеи
Садовник и палач наполнил свой досуг.

И не ограблен я и не надломлен,
Но только что всего переогромлен...
Как *Слово о полку*, струна моя туга,
И в голосе моем после удушья
Звучит земля — последнее оружие —
Сухая влажность черноземных га!

Май-июнь 35 г.

В.

• Вариант: сожгла

День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток
Я, сжимаясь, гордился пространством за то, что росло
на дрожжах.
Сон был старше, чем слух, слух был старше, чем сон —
слитен, чуток...
А за нами неслись большаки на ямщицких вожжах...

День стоял о пяти головах и, чумея от пляса,
Ехала конная, пешая, шла черноверхая масса:
Расширеньем аорты могущества в белых ночах, — нет,
в ножах —
Глаз превращался в хвойное мясо.

На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко,
Чтобы двойка конвойного времени парусами неслась
хорошо.
Сухомятная русская сказка! Деревянная ложка — ау!
Где вы, трое славных ребят из железных ворот ГПУ?
Чтобы Пушкина чудный товар не пошел по рукам
дармоедов,
Грамотеет в шинелях с наганами племя пушкиноведов —
Молодые любители белозубых стишков,
На вершок бы мне синего моря, на игольное только ушко!

Поезд шел на Урал. В открытые рты нам
Говорящий Чапаев с картины скакал звуковой —
За бревенчатым тыном, на ленте простынной
Умереть* и вскочить на коня своего!

Июнь 35 г.

В.

*Вариант: утонуть

От сырой простыни говорящая —
Знать, нашелся на рыб звукопас —
Надвигалась картина звучащая
На меня, и на всех, и на вас...

Начихав на кривые убыточки,
С папироской смертельной в зубах, —
Офицеры последней выточки
На равнины зияющий пах...

Было слышно гудение низкое
Самолетов, сгоревших до тла,
Лошадиная бритва английская
Адмиральские щеки скребла...

Измеряй меня, край, перекраивай, —
Чуден жар прикрепленной земли! —
Захлебнулась винтовка Чапаева:
Помоги, развяжи, раздели...

Июнь 35 г.

В.

За Паганини длиннопалым
Бегут цыганскою гурьбой —
Кто с чохом — чех, кто с польским балом,
А кто с венгерской чемчурой.

Девчонка, выскочка, гордячка,
Чей звук широк, как Енисей —
Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка,
Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка.

Утешь меня Шопеном чалым,
Серьезным Брамсом, нет, постой:
Парижем, мощно одичалым,
Мучным и потным карнавалом
Иль брагой Вены молодой —

Вертлявой, в дирижерских фракках,
В дунайских фейерверках, скачках,
И вальс из гроба в колыбель
Переливающей, как хмель.

Играй же на разрыв аорты,
С кошачьей головой во рту.
Три черта было, — ты четвертый:
Последний, чудный черт в цвету!

Лето 35 г.

В.

Возможна ли женщине мертвой хвала?
Она в отчуждении и силе,
Ее чужелюбая власть привела
К насильственной жаркой могиле.

И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.

И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты раскрывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянясь, русея...

Я тяжкую память твою берегу —
Дичок, медвежонок, Миньона —
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.

3 июня 35 г. — 14 дек. 36 г.
В.

На мертвых ресницах Исакий замерз
И барские улицы сини —
Шарманщика смерть и медведицы ворс
И чужие поленья в камине.

Уже выгоняет выжлятник пожар,
Линеек раскинутых стайку, —
Несется земля — мебелированный шар,
И зеркало корчит всезнайку.

Площадками лестниц разлад и туман —
Дыханье, дыханье и пенье —
И Шуберта в шубе застыл талисман —
Движенье, движенье, движенье...

3 июня 35 г.

В.

Римских ночей полновесные слитки,
Юношу Гете манившее лоно —
Пусть я в ответе, но не в убытке:
Есть многодонная жизнь вне закона.

Июнь 35 г.

В.

Исполню дымчатый обряд:
В опале предо мной лежат
Морского лета земляники —
Двискренние сердолики
И муравьиный брат — агат,
Но мне милей простой солдат
Морской пучины — серый, дикий,
Которому никто не рад.

Июль 35 г.

В.

Бежит волна — волной волне хребет ломая,
Кидаясь на луну в невольничьей тоске,
И янычарская пучина молодая —
Неусыпленная столица волновая —
Кривеет, мечется и роет ров в песке.

А через воздух сумрачно-хлопчатый
Неначатой стены мерещатся зубцы,
И с пенных лестниц падают солдаты
Султанов мнительных — разбрызганы, разъяты, —
И яд разносят хладные скопцы.

Июль 35 г.

В.

Лишив меня морей, разбега и разлета
И дав стопе упор насильственной земли,
Чего добились вы? Блестящего расчета:
Губ шевелящихся отнять вы не могли.

— Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый —
Ни поволоки искусства, ни красок пространства
веселого...

Жизнь начиналась в корыте картавою мокрою шепотью
И продолжалась она керосиновой мягкой копотью.

Где-то на даче потом, в лесном переплете шагреновом,
Вдруг разгорелась она почему-то огромным пожаром
сиреневым.

— Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый —
Ни поволоки искусства, ни красок пространства
веселого.

Дальше, сквозь стекла цветные, сощурясь, мучительно
вижу я:
Небо как палица грозное, земля словно плешина рыжая...

Дальше еще не припомню — и дальше как будто оборвано,
Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью...

— Нет, не мигрень, но холод пространства бесполого,
Свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой...

*23 апр. — июль 35 г.
В.*

Не мучнистой бабочкою белой
В землю я заемный прах верну.
Я хочу, чтоб мыслящее тело
Правратилось в улицу, в страну —
Позвоночное, обугленное тело,
Осознавшее свою длину.

Возгласы темнозеленой хвои —
С глубиной колодезной венки —
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки,
Обручи краснознаменной хвои —
Азбучные, круглые венки.

Шли товарищи последнего призыва
По работе в жестких небесах,
Пронесла пехота молчаливо
Восклицанья ружей на плечах.

И зенитных тысячи орудий —
Карих то зрачков иль голубых —
Шли нестройно — люди, люди, люди —
Кто же будет продолжать за них?

*21 июля 35 г.
В.*

ВТОРАЯ ВОРОНЕЖСКАЯ ТЕТРАДЬ

Из-за домов, из-за лесов,
Длинней товарных поездов,
Гуди, помощник и моих трудов —
Садко заводов и садов.

Гуди, старик, дыши сладко́,
Как новгородский гость Садко,
Под синим морем глубоко —
Гуди протяжно вглубь веков,
Гудок советских городов.

6-8 дек. 36 г.

В.

РОЖДЕНИЕ УЛЫБКИ

Когда заулыбается дитя
С развилкой и горечи и сласти,
Концы его улыбки, не шутя,
Уходят в океанское безвластье.

Ему непобедимо хорошо,
Углами губ оно играет в славе —
И радужный уже строчится шов
Для бесконечного познания яви.

На лапы из воды поднялся материк —
Улитки рта наплыв и приближенье —
И бьет в глаза один атлантов миг:
Под легкий наигрыш хвалы и удивленья.

8 дек. 36 г. — 17 янв. 37 г.

В.

Мой щегол, я голову закину:
Поглядим на мир вдвоем.
Зимний день, колючий, как мякина,
Так ли жестк в зрачке твоём?

Хвостик лодкой, перья — черно-желты,
Ниже клюва в краску влит —
Сознаешь ли, до чего щегол ты,
До чего ты щегловит?

Что за воздух у него в надлобьи —
Черн и красен, желт и бел!
В обе стороны он в оба смотрит — в обе!
Не посмотрит, улетел...

10-27 дек. 36 г.

В.

Когда щегол в воздушной сдобе
Вдруг затрясется, сердцевит,
Ученый плащик перчит злоба,
А чепчик черным красовит.

Клевещет жердочка и планка,
Клевещет клетка сотней спиц —
И все на свете наизнанку,
И есть лесная Саламанка
Для непослушных умных птиц!

Дек. 36 г.

В.

Нынче день какой-то желторотый —
Не могу его понять —
И глядят приморские ворота
В якорях, в туманах на меня...

Тихий, тихий по воде линиялой
Ход военных кораблей,
И каналов узкие пеналы
Подо льдом еще черней.

9-28 дек. 36 г.

В.

Я в сердце века, путь неясен,
А время удаляет цель —
И посоха усталый яшень,
И меди нищенскую цвель.

14 дек. 36 г.

В.

Не у меня, не у тебя — у них
Вся сила окончаний родовых:
Их воздухом поющ тростник и скважист,
И с благодарностью улитки губ людских
Потянут на себя их дышащую тяжесть.
Нет имени у них. Войди в их хрящ,
И будешь ты наследником их княжеств.
И для людей, для их сердец живых,
Блуждая в их извилинах, развивах,
Изобразишь и наслажденья их,
И то, что мучит их — в приливах и отливах.

9-27 дек. 36 г.

В.

Внутри горы бездействует кумир
В покоех бережных, безбрежных и счастливых,
А с шеи каплет ожерелий жир,
Оберегая сна приливы и отливы.

Когда он мальчик был и с ним играл павлин,
Его индийской радугой кормили,
Давали молока из розоватых глин
И не жалели кошенили.

Кость усыпленная завязана узлом,
Очеловечены колени, руки, плечи.
Он улыбается своим тишайшим ртом,
Он мыслит костию и чувствует челом
И вспомнить силится свой облик человеческий.

10-26 дек. 36 г.

В.

**А мастер пушечного цеха,
Кузнечных памятников швец
Мне скажет — ничего, отец —
Уж мы сошьем тебе такое...**

Сосновой рощицы закон:
Виол и арф семейный звон —
Стволы извилисты и голы,
Но все же арфы и виолы —
Растут, как будто каждый ствол
На арфу начал гнуть Эол
И бросил, о корнях жалея,
Жалея ствол, жалея сил,
Виолу с арфой пробудил
Звучать в коре, коричневая...

16-17 дек. 36 г.

В.

Пластинкой тоненькой жиллета
Легко щетину спячки снять:
Полуукраинское лето
Давай с тобою вспоминать.

Вы именитые вершины —
Дерев косматых именины,
Честь рюисдалевых картин, —
И на почин — лишь куст один
В янтарь и мясо красных глин...

Земля бежит наверх. Приятно
Глядеть на чистые пласты
И быть хозяином объятной,
Семипалатной простоты.

Его холмы к далекой цели
Стогами легкими летели,
Его дорог степной бульвар,
Как цепь шатров в тенистый жар...
И на пожар рванулась ива,
А тополь встал самолюбиво, —
Над желтым лагерем жнивья
Морозных дымов колея.

А Дон еще, как полукровка,
Сребрясь и мелко и неловко,
Воды набравши с полковша,

Терялся, что моя душа,—

Когда на жесткие постели
Ложилось бремя вечеров
И, выходя из берегов,
Деревья-бразники шумели...

15-27 дек. 36 г.

В.

Шло цепочкой в темноводье
Протяженных гроз ведро
Из дворянского угодья
В океанское ядро.

Шло, само себя колыша,
Осторожно, грозно шло.
Смотришь: небо стало выше —
Новоселье, дом и крыша
И на улице светло.

28 дек. 36 г.

В.

Эта область в темноводье —
Хляби хлеба, гроз ведро —
Не дворянское уголье —
Океанское ядро.
Я люблю ее рисунок:
Он на Африку похож.
Дайте свет — прозрачных лунок
На фанере не сочтешь.
Анна, Россошь и Гремяче, —
Я твержу их имена:
Белизна снегов гагачья
Из вагонного окна...

Я кружил в полях совхозных,
Полон воздуха был рот —
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот...
Въехал ночью в рукавичный
Снегом пышущий Тамбов,
Видел Цны — реки обычной —
Белый, белый, бел-покров...
Трудодень земли знакомой
Я запомнил навсегда:
Воробьевского райкома
Не забуду никогда!

Где я? Что со мной дурного?
Степь беззимняя гола...
Это мачеха Кольцова...
Шутишь: родина щегла!
Только города немного

В гололедицу обзор,
Только чайника ночного
Сам с собою разговор...
В гуще воздуха степного
Перекличка поездов
Да украинская мова
Их растянутых гудков.

29 дек. 36 г.

В.

Вехи дальнего обоза
Сквозь стекло особняка,
От тепла и от мороза
Близкой кажется река.
И какой там лес — еловый? —
Не еловый, а лиловый —
И какая там береза,
Не скажу наверняка —
Лишь чернил воздушных проза
Неразборчива, легка...

26 дек. 36 г.

В.

Как подарок запоздалый,
Ощутима мной зима —
Я люблю ее сначала
Неуверенный размах.

Хороша она испугом,
Как начало грозных дел —
Перед всем безлесным кругом
Даже ворон оробел.

Но сильнее всего непрочно —
Выпуклых голубизна —
Полукруглый лед височный
Речек, баюющих без сна...

29-30 дек. 36 г.

В.

Оттого все неудачи,
Что я вижу пред собой
Ростовщичий глаз кошачий —
Внук он зелени стоячей
И купец воды морской.

Там, где огненными щами
Угощается Кащей, —
С говорящими камнями
Он на счастье ждет гостей, —
Камни трогает клещами,
Щиплет золото гвоздей.

У него в покоях спящих
Кот живет не для игры —
У того в зрачках горящих
Клад зажмуренной горы.
И в зрачках тех леденящих,
Умоляющих, просящих
Шароватых искр пиры...

29-30 дек. 36 г.

В.

Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста, —
На холсте уста вселенной, но она уже не та...

В легком воздухе свирели раствори жемчужин боль —
В синий, синий цвет синели океана вьелась соль.

Цвет воздушного разбоя и пещерной густоты,
Складки бурного покоя на коленях разлиты, —

На скале черствее хлеба — молодых тростинки рощ,
И плывет углами неба восхитительная мощь.

9 янв. 37 г.

В.

Твой зрачок в небесной корке,
Обращенный в даль и ниц,
Защищают оговорки
Слабых, чующих ресниц.

Будет он обожествленный
Долго жить в родной стране...
Омут ока удивленный,
Кинь его вдогонку мне, —

Он глядит уже охотно
В мимолетные века —
Светлый, радужный, бесплотный,
Умоляющий пока...

9 янв. 37 г.

В.

Я около Кольцова
Как сокол закольцован,
И нет ко мне гонца,
И дом мой без крыльца.

К ноге моей привязан
Сосновый синий бор,
Как вестник без указа,
Распахнут кругозор.

В степи кочуют кочки —
И все идут, идут
Ночлеги, ночи, ночки —
Как бы слепых везут...

9 янв. 37 г.

В.

Когда в ветвях понурых
Заводит чародей
Гнедых или каурых
Шушуканье мастей, —

Не хочет петь линючий,
Ленивый богатырь —
И малый, и могучий
Зимующий снегирь, —

Под неба нависанье,
Под свод его бровей
В сиреневые сани
Усядусь поскорей...

9-10 янв. 37 г.

В.

Дрожжи мира дорогие —
Звуки, слезы и труды —
Ударенья дождевые
Закипающей беды
И потери звуковые
Из какой вернуть руды?

В нищей памяти впервые
Чуешь вмятины слепые,
Медной полные воды, —
И идешь за ними следом,
Сам себе немил, неведом —
И слепой, и поводырь.

12-18 янв. 37 г.

В.

Влез бесенок в мокрой шерстке —
Ну, куда ему, куды? —
В подкопытные наперстки,
В торопливые следы —
По копейкам воздух версткий
Обирает с слободы.

Брьжжет в зеркальцах дорога —
Утомленные следы
Постоят еще немного
Без покрова, без слюды...
Колесо брюзжит отлого —
Улеглось — и полбеда.

Скучно мне: мое прямое
Дело тараторит вкось —
По нему прошлось другое,
Надсмехалось, сбило ось...

12-18 янв. 37 г.

В.

О, этот медленный одышливый простор —
Я им пресыщен до отказа —
И отдышавшийся распахнут кругозор —
Повязку бы на оба глаза!

Уж лучше б вынес я песка слоистый нрав
На берегах зубчатых Камы:
Я б удержал ее застенчивый рукав,
Ее круги, края и ямы...

Я б с ней сработался на век, на миг один —
Стремнин осадистый завистник —
Я б слушал под корой текучих древесин
Ход кольцеванья волокнистый.

16 янв. 37 г.

В.

Что делать нам с убитостью равнин,
С протяжным голодом их гуда?
Ведь то, что мы открытостью в них мним,
Мы сами видим, засыпая, зрим —
И все растет вопрос: куда они, откуда
И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим —
Пространств несозданных^оИуда?

16 янв. 37 г.

В.

^оВариант: Народов будущих

В лицо морозу я гляжу один:
Он — никуда, я — ниоткуда —
И все утюжится, ploится без морщин
Равнины дышащее чудо.

А солнце щурится в крахмальной нищете,
Его прищур спокоен и утешен.
Десятизначные леса почти что те...
И снег хрустит в глазах, как чистый хлеб,
безгрешен.

16 янв. 37 г.

В.

Не сравнивай: живущий несравним —
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести
И собирался в путь, и плывал по дуге
Неначинающихся путешествий.

Где больше неба мне — там я бродить готов —
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще воронежских холмов
К всечеловеческим — яснеющим в Тоскане.

18 янв. 37 г.

В.

Как землю где-нибудь небесный камень будит,
Упал опальный стих, не знающий отца.
Неумолимое — находка для творца —
Не может быть другим — никто его не судит.

20 янв. 37 г.

В.

Я нынче в паутине световой —
Черноволосой, светлорусой —
Народу нужен свет и воздух голубой,
И нужен хлеб и снег Эльбруса.

И не с кем посоветоваться мне,
А сам найду его едва ли —
Таких прозрачных плачущих камней
Нет ни в Крыму, ни на Урале.

Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льянокудрою каштановой волной —
Его дыханьем умывался.

19 янв. 37 г.

В.

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен —
Благословенны дни и ночи те
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого как тень его
Пугает лай и ветер косит.
И беден тот, кто сам полуживой
У тени милостыни просит.

Янв. 1937 г.

В.

Слышу, слышу ранний лед,
Шелестящий под мостами,
Вспоминаю, как плывет
Светлый хмель над головами.

С черствых лестниц, с площадей
С угловатыми дворцами
Круг Флоренции своей
Алигьери пел мощней
Утомленными губами.

Так гранит зернистый тот
Тень моя грызет очами,
Видит ночью ряд колод,
Днем казавшихся домами,

Или тень баклуши бьет
И позевывает с вами,

Иль шумит среди людей,
Греясь их вином и небом,

И несладким кормит хлебом
Неотвязных лебедей...

22 янв. 37 г.

В.

Люблю морозное дыханье
И пара зимнего признание:
Я — это я; явь — это явь!

И мальчик, красный, как фонарик,
Своих салазок государик
И заправила, мчится вплавь...

И я — в размолвке с миром, с волей —
Заразе саночек мирволю
В серебристых скобках, в бахромах, —

И век бы падал векши легче,
И легче векши к мягкой речке —
Полнеба в валенках в ногах...

24 янв. 37 г.

В.

Куда мне деться в этом январе?
Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я что ли пьян дверей? —
И хочется мычать от всех замков и скрепок.

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы —
И прячутся поспешно в уголки,
И выбегают из углов угланы.

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке, —

А я за ними ахаю, стуча
В какой-то мерзлый деревянный короб:
Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!

1 февр. 37 г.

В.

Как светотени мученик Рембрандт,
Я глубоко ушел в немеющее время,
Но резкость моего горящего ребра
Не охраняется ни сторожами теми,
Ни этим воином, что под грозой спят...

Простишь ли ты меня, великолепный брат!
И мастер, и отец чернозеленой теми,
Но око соколиного пера
И жаркие ларцы у полночи в гареме
Смущают не к добру, смущают без добра
Мехами сумрака взволнованное племя.

4 февр. 37 г.

В.

Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева,
И парус медленный, что облаком продолжен,
Я с вами разлучен, вас оценив едва:
Длинней органных фуг — горька морей трава,
Ложноволосая — и пахнет долгой ложью.
Железной нежностью хмелеет голова,
И ржавчина чуть-чуть отлогий берег гложет...
Что ж мне под голову другой песок подложен?
Ты, горловой Урал, плечистое Поволжье
Иль этот ровный край — вот все мои права —
И полной грудью их вдыхать еще я должен.

4 февр. 37 г.

В.

Где связанный и пригвожденный стон?
Где Прометей — скалы подспорье и пособие?
А коршун где и желтоглазый гон
Его когтей, летящих исподлобья?

Тому не быть — трагедий не вернуть,
Но эти наступающие губы, —
Но эти губы вводят прямо в суть
Эшила-грузчика, Софокла-лесоруба.

Он эхо и привет, он вежа, нет — лемех...
Воздушно-каменный театр времен растущих
Встал на ноги, и все хотят увидеть всех —
Рожденных, гибельных и смерти не имущих.

19 янв. — 4 февр. 37 г.

В.

Как дерево и медь, Фаворского полет —
В дощатом воздухе мы с временем соседи —
И вместе нас ведет слоистый флот
Распиленных дубов и яворовой меди.

И в кольцах сердится еще смола, сочась, —
Но разве сердце лишь испуганное мясо?
Я сердцем виноват и сердцевины часть
До бесконечности расширенного часа...

Час, насыщающий бесчисленных друзей,
Час грозных площадей с счастливыми глазами...
Я обведу еще глазами площадь всей
Этой площади с ее знамен лесами.

11 февр. 37 г.

В.

Обороняет сон мою донскую сонь,
И разворачиваются черепах маневры —
Их быстроходная взволнованная бронь —
И любопытные ковры людского говора...

И в бой меня ведут понятные слова —
За оборону жизни, оборону
Страны — земли, где смерть уснет, как днем сова...
Стекло Москвы горит меж ребрами гранеными.

Необоримые кремлевские слова —
В них оборона обороны
И брони боевой, и бровь, и голова
Вместе с глазами полюбовно собраны.

И слушает земля, — другие страны — бой,
Из хорового падающий короба:
— Рабу не быть рабом, рабе не быть рабой —
И хор поет с часами рука об руку...

9-11 февр. 37 г.

В.

Вооруженный зреньем узких ос,
Сосущих ось земную, ось земную,
Я чую все, с чем свидеться пришлось,
И вспоминаю наизусть и всеуе...

И не рисую я, и не пою,
И не вожу смычком черногосым:
Я только в жизнь впиваюсь и люблю
Завидовать могучим, хитрым осам.

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить — сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную.

8 февр. 37 г.

В.

Пою, когда гортань — сыра, душа — суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание:
Здорово ли вино? здоровы ли меха?
Здорово ли в крови Колхиды колыханье?
И грудь стесняется — без языка — тиха:
Уже не я пою — поет мое дыханье —
И в горных ножнах слух, и голова глуха...

Песнь бескорыстная сама себе хвала:
Утеха для друзей и для врагов — смола.

Песнь одноглазая, растущая из мха,
Одноголосый дар охотничьего быта,
Которую поют верхом и на верхах,
Держа дыханье вольно и открыто,
Заботясь лишь о том, чтоб честно и сердито
На свадьбу молодых доставить без греха...

8 февр. 37 г.

В.

Были очи острее точимой косы —
По зегзице в зенице и по капле росы, —

И едва научились они во весь рост
Различать одинокое множество звезд.

9 февр. 37 г.

В.

ВНИЗ ПО КАМЕ

Средь народного шума и спеха
На вокзалах и площадях
Смотрит века могучая вежа,
И бровей начинается взмах.

Я узнал, он узнал, ты узнала —
А теперь куда хочешь влеки —
В говорливые дебри вокзала,
В ожиданья у мощной реки.

Далеко теперь та стоянка,
Тот с водой кипяченой бак,
На цепочке кружка-жестянка
И глаза застилавший мрак.

Шла пермяцкого говора сила,
Пассажирская шла борьба,
И ласкала меня и сверлила
Со стены этих глаз журьба.

Много скрыто дел предстоящих
В наших летчиках и жнецах
И в товарищах реках и чащах,
И в товарищах городах.

Не припомнить того, что было —
Губы жарки, слова черствы —
Занавеску белую било,
Несся шум железной листвы.

А на деле-то было тихо —
Только шел пароход по реке,
А за кедром цвела гречиха,
Рыба шла на речном говорке.

И к нему — в его сердцевину —
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел.

Февр. 37 г.

В.

Еще он помнит башмаков износ —
Моих подметок стертое величье,
А я — его: как он разноголос,
Черноволос, с Давид-горой гранича.

Подновлены мелком или белком
Фисташковые улицы-пролазы:
Балкон-наклон — подкова — конь-балкон,
Дубки, чинары, медленные вязы...

И букв кудрявых женственная цепь
Хмельна для глаза в оболочке света, —
А город так горазд и так уходит в крепь
И в моложавое, стареющее лето...

7-11 февр. 37 г.

В.

Я в львиный ров и в крепость погружен
И опускаюсь ниже, ниже, ниже
Под этих звуков ливень дрожжевой —
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

Как близко-близко твой подходит зов
До заповедей роды и первины —
Океанийских низка жемчугов
И таитянок кроткие корзины.

Карающего пеня материк,
Густого голоса низинами надвинься!
Всех наших дочерей дикарско-сладкий лик
Не стоит твоего — праматери — мизинца.

Неограничена еще моя пора:
И я сопровождал восторг вселенский,
Как вполголосная органная игра
Сопровождает голос женский.

12 февр. 37 г.

В.

ТРЕТЬЯ ВОРОНЕЖСКАЯ ТЕТРАДЬ

На доске малиновой, гербовной,
 На кону горы крутопоклонной —
 В тридорога снегом напавший
 Высоко зацелся — санной, сонной —
 Полу-город, полу-берег конной,
 В сбору красных углей затрепанной,
 Желтою мастикой утепленной
 И перепревший в сахар протенной.
 Не пиши в нем зимних масел раз,
 Конькобежного голландского уклона —
 Не раскархаете здесь веселая, кривая
 Карлинья в ушающих шапках стая,
 И меня, сравнений не слушаю,
 Срежь рисунок мой, в дорогу крепкую влюбленный,
 Как сухую, но живую лапу клена
 Фил уносит, на ходулях убегаю.

Владимир Шт.

В.

На доске малиновой, червонной,
На кону горы крутопоклонной —
Втридорога снегом напоенный
Высоко занесся — санный, сонный —
Полу-город, полу-берег конный,
В сбрую красных углей запряженный,
Желтою мастикой утепленный
И перегоревший в сахар жженый.
Не ищи в нем зимних масел рая,
Конькобежного голландского уклона —
Не раскаркается здесь веселая, кривая
Карличья в ушастых шапках стая, —
И меня сравненьем не смущая,
Срежь рисунок мой, в дорогу крепкую влюбленный,
Как сухую, но живую лапу клена
Дым уносит, на ходулях убегая.

6 марта 37 г.

В.

Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди,
Если б лишили меня всего в мире:
Права дышать и открывать двери,
И утверждать, что бытие будет
И что народ, как судия, судит, —
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б —
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен,
И, раскачав колокол стен голый
И разбудив вражеской тьмы угол,
Я запрягу десять волов в голос
И поведу руку во тьме плугом —
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи
И — в легион братских очей сжатый —
Я упаду тяжестью всей жатвы,
Сжатостью всей рвущейся вдаль клятвы —
И налетит пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой Ленин,
И на земле, что избежит тленья,
Будет будить* разум и жизнь Сталин.

Февр. 37 г.

В.

* В памяти Н. Я. Мандельштам вариант: губить

Я видел озеро, стоящее отвесно,
С разрезанною розой в колесе
Играли рыбы, дом построив пресный,
Лиса и лев боролись в челноке.

Глазели внутрь трех лающих порталов
Недуги, недруги других невоскрытых дуг.
Фиалковый пролет газель перебежала —
И башнями скала вздохнула вдруг.

И влагой напоен, восстал песчаник честный,
И средь ремесленного города-сверчка
Мальчишка-океан встает из речки пресной
И чашками воды швыряет в облака.

4 марта 37 г.

В.

Я молю, как жалости и милости,
Франция, твоей земли и жимолости, —

Правды горлинок твоих и кривды карликовых
Виноградарей в их разгородках марлевых...

В легком декабре твой воздух стриженный
Индевет — денежный, обиженный...

Но фиалка и в тюрьме: с ума сойти в безбрежности —
Свищет песенка — насмешница, небрежница, —

Где бурлила, королей смывая,
Улица июльская — кривая...

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли —

В океанском котелке с растерянной точностью
На шарнирах он куражится с цветочницей.

Там, где с розой на груди в двухбашенной испарине
Паутины каменеет шаль,
Жаль, что карусель воздушно-благодарная
Оборачивается, городом дыша, —

Наклони свою шею, безбожница
С золотыми глазами козы,
И кривыми картавыми ножницами
Купы скаредных роз подразни.

3 марта 37 г.

В.

РИМ

Где лягушки фонтанов, расквакавшись
И разбрызгавшись, больше не спят
И, однажды проснувшись, расплакавшись
Во всю мочь своих глоток и раковин,
Город, любящий сильным поддакивать,
Земноводной водою кропят, —

Древность легкая, летняя, наглая,
С жадным взглядом и плоской ступней, —
Словно мост ненарушенный Ангела
В плоскоступьи над желтой водой, —

Голубой, онелепенный, пепельный,
В барабанном наросте домов,
Город, ласточкой купола лепленный
Из проулков и из сквозняков —
Превратили в убийства питомник —
Вы — коричневой крови наемники,
Италийские чернорубашечники,
Мертвых цезарей злые щенки.

Все твои, Микель-Анджело, сироты,
Облаченные в камень и стыд:
Ночь, сырая от слез, и невинный
Молодой, легконогий Давид.
И постель, на которой несдвинутый
Моисей водопадом лежит —

Лощь свободная и мера львиная
3 усыпленьи и в рабстве молчит.

1 морщинистых лестниц уступки —
3 площадь льющихся лестничных рек —
1тоб звучали шаги, как поступки,
1однял медленный Рим-человек.
1 не для искалеченных нег,
1как морские ленивые губки.

1мы Форума заново вырыты
1 раскрыты ворота для Ирода,
1 над Римом диктатора-выродка
1одбородок тяжелый висит.

16 марта 37 г.

В.

СТИХИ О НЕИЗВЕСТНОМ СОЛДАТЕ

I

Этот воздух пусть будет свидетелем —
Дальнобойное сердце его —
И в землянках всеядный и деятельный —
Океан без окна, вещество.

До чего эти звезды изветливы:
Все им нужно глядеть — для чего? —
В осужденье судьи и свидетеля,
В океан без окна, вещество...

Помнит дождь, неприветливый сеятель,
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.

Будут люди холодные, хилые
Убивать, голодать, холодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилою
Без руля и крыла совладать?

И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет,

Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет.

II

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами —
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры.

III

Сквозь эфир десятичноозначенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молью нулей.

А за полем полей поле новое
Треугольным летит журавлем —
Весть летит светопыльной обновою —
И от битвы вчерашней светло.

Весть летит светопыльной обновою:
Я не Лейпциг, не Ватерлоо,
Я не Битва Народов. Я — новое —
От меня будет свету светло.

IV

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.

Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте,
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей.

Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оптовых смертей,
За тобой, от тебя — целокупное —
Я губами несусь в темноте.

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил —
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил.

V

Хорошо умирает пехота,
И поет хорошо хор ночной
Над улыбкой приплюснутой Швейка,
И над птичьим копьём Дон-Кихота,
И над рыцарской птичьей плюсной.
И дружит с человеком калека:
Им обоим найдется работа.

И стучит по околицам века
Костылей деревянных семейка —
Эй, товарищество — шар земной!

VI

Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
Развивается череп от жизни
Во весь лоб — от виска до виска, —
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью ценится, сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец.

VII

Ясность ясеневая, зоркость яворовая
Чуть-чуть красная мчится в свой дом,
Словно обмороками заговаривая
Оба неба с их тусклым огнем.

Нам союзно лишь то, что избыточно,
Впереди — не провал, а промер,
И бороться за воздух прожиточный —
Это слава другим не в пример.

И сознание свое затоваривая
Полуобморочным бытием,
Я ль без выбора пью это варево,
Свою голову ем под огнем?

Для того ль заготовлена тара
Обаянья в пространстве пустом,
Чтобы белые звезды обратно
Чуть-чуть красные мчались в свой дом?

Слышишь, мачеха звездного табора —
Ночь, что будет сейчас и потом?

VIII

Наливаются кровью аорты
И звучит по рядам шепотком:
— Я рожден в девяносто четвертом,
Я рожден в девяносто втором...
И в кулак зажимая истертый
Год рожденья с гурьбой и гуртом,
Я шепчу обескровленным ртом:
— Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году и столетья
Окружают меня огнем.

Февраль-март 37 г.

В.

Я скажу это начерно, шепотом,
Потому что еще не пора:
Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра...

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище
Раздвижной и пожизненный дом.

9 марта 37 г.

В.

О, как же я хочу —
Нечуемый никем —
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись —
Другого счастья нет —
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

А я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шепотом лучу
Тебя, дитя, вручу.

27 марта 37 г.

В.

Может быть, это точка безумия,
Может быть, это совесть твоя —
Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия...

Так соборы кристаллов сверхжизненных
Добросовестный свет-паучок,
Распуская на ребра их, сызнова
Собирает в единый пучок.

Чистых линий пучки благодарные,
Направляемы тихим лучом,
Соберутся, сойдутся когда-нибудь,
Словно гости с открытым челом.

Только здесь — на земле, а не на небе,
Как в наполненный музыкой дом.
Только их не спугнуть, не изранить бы —
Хорошо, если мы доживем.

То, что я говорю, мне прости...
Тихо, тихо его мне прочти...

15 марта 37 г.

В.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Небо вечери в стену влюбилось —
Все изранено светом рубцов —
Провалилось в нее, осветилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Вот оно — мое небо ночное,
Пред которым как мальчик стою:
Холодеет спина, очи ноют,
Стенобитную твердь я ловлю, —

И под каждым ударом тарана
Осыпаются звезды без глав:
Той же росписи новые раны —
Неоконченной вечности мгла...

9 марта 37 г.

В.

Заблудился я в небе — что делать
Тот, кому оно близко, ответь.
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть.

Не разнять меня с жизнью — ей снится
Убивать и сейчас же ласкать,
Чтобы в уши, глаза и глазницы
Флорентийская била тоска.

Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски —
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски.

И когда я умру, отслуживши,
Всех живущих прижизненный друг,
Чтоб раздался и шире и выше
Отклик неба во всю мою грудь.

19 марта 37 г.

В.

Заблудился я в небе — что делать?
Тот, кому оно близко, ответь.
Легче было вам, Дантовых девять
Атлетических дисков, звенеть,
Задыхаться, чернеть, голубеть.

Если я не вчерашний, не зряшний —
Ты, который стоишь надо мной, —
Если ты виночерпий и чашник,
Дай мне силу без пены пустой
Выпить здравье кружащейся башни —
Рукопашной лазури шальной...

Голубятни, черноты, скворешни,
Самых синих теней образцы,
Лед весенний, лед высший, лед вешний,
Облака — обаянья борцы —
Тише: тучу ведут под уздцы.

19 марта 37 г.

В.

Длинной жажды должник виноватый,
Мудрый сводник вина и воды:
На боках твоих пляшут козлята
И под музыку зреют плоды.

Флейты свищут, клевещут и злятся,
Что беда на твоём ободу
Черно-красном — и некому взяться
За тебя, чтоб поправить беду.

21 марта 37 г.

В.

Чтоб приятель и ветра и капель
Сохранил их песчаник внутри,
Нацарапали множество цапель
И бутылок в бутылках зари.

Украшался отборной собачиной
Египтян государственный стыд —
Мертвецов наделял всякой всячиной
И торчит пустячком пирамид.

То ли дело любимец мой кровный,
Утешительно-грешный певец —
Еще слышен твой скрежет зубовный,
Беззаботного права истец...

Размотавший на два завещанья
Слабовольных имуществ клубок
И в прощанье отдав, в верещанье
Мир, который как череп клубок:

Рядом с готикой жил озоруючи
И плевал на паучи права
Наглый школьник и ангел ворующий,
Несравненный Виллон Франсуа.

Он разбойник небесного клира,
Рядом с ним незазорно сидеть:
И пред самой кончиною мира
Будут жаворонки звенеть...

18 марта 37.

В.

Гончарами велик остров синий —
Крит веселый, запекся их дар
В землю звонкую. Слышишь дельфиний
Плавников их подземный удар?

Это море легко на помине
В осчастливленной обжигом глине,
И сосуда студеная власть
Раскололась на море и глаз.

Ты отдай мне мое, остров синий,
Крит летучий, отдай мне мой труд,
И сосцами текучей богини
Напои обожженный сосуд.

Это было и пелось, синяя,
Много задолго до Одиссея,
До того, как еду и питье
Называли "моя" и "мое".

Выздоровливай же, излучайся,
Волоокого неба звезда,
И летучая рыба — случайность,
И вода, говорящая "да".

Флейты греческой мята и йота —
Словно ей нехватало молвы —
Неизваянная, без отчета,
Зрела, маялась, шла через рвы...

И ее невозможно покинуть,
Стиснув зубы ее не унять,
И в слова языком не продвинуть,
И губами ее не размять...

А флейтист не узнает покоя:
Ему кажется, что он один,
Что когда-то он море родное
Из сиреневых вылепил глин...

Звонким шепотом честолюбивым,
Вспоминающим топотом губ
Он торопится быть бережливым,
Емлет звуки — опрятен и скуп...

Вслед за ним мы его не повторим,
Комья глины в ладонях моря,
И когда я наполнился морем —
Мором стала мне мера моя...

И свои-то мне губы не любви —
И убийство на том же корню —
И неволью на убыль, на убыль
Равнодействия флейты клоню...

7 апр. 37 г.

В.

Нереиды мои, нереиды,
Вам рыдания — еда и питье.
Дочерям средиземной обиды
Состраданье обидно мое.

Клейкой клятвой липнут почки,
Вот звезда скатилась:
Это мать сказала дочке,
Чтоб не торопилась.

— Подожди, — шепнула внятно
Неба половина,
И ответил шелест скатный:
— Мне бы только сына...

Стану я совсем другою
Жизнью величаться.
Будет зыбка под ногою
Легкою качаться.

Будет муж прямой и дикий
Кротким и послушным —
Без него, как в черной книге,
Страшно в мире душном...

Подмигнув, на полуслове
Запнулась зарница.
Старший брат нахмурил брови.
Жалится сестрица.

Ветер бархатный крыластый
Дует в дудку тоже:
Чтобы мальчик был лобастый,
На двоих похожий.

Спросит гром своих знакомых:
Вы, грома, видали,
Чтобы липу до черемух
Замуж выдавали?

Да из свежих одиночеств
Леса — крики пташьи, —
Свахи-птицы свищут почесть
Льстивую Наташе.

И к губам такие липнут
Клятвы, что, по чести,
В конском топоте погибнуть
Мчатся очи вместе.

Все ее торопят часто:
— Ясная Наташа,
Выходи за наше счастье,
За здоровье наше.

2 мая 37 г.
В.

I

К пустой земле невольно припадая
Неравномерной сладкою походкой,
Она идет, чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И кажется, что ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода
Для нас — праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.

II

Есть женщины сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье.
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать от них — преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье.
Что было поступь — станет недоступно.
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И то, что будет — только обещанье.

4 мая 37 г.

В.

На меня нацелилась груша да черемуха —
Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе с кистями, —
Что за двоевластье там? В чем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух, убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется — смешана, обрывчива.

4 мая 37 г.

В.

Я к губам подношу эту зелень —
Эту клейкую клятву листов —
Эту клятвопреступную землю:
Мать подснежников, кленов, дубков.

Погляди, как я слепну и крепну,
Подчиняясь смиренным корням,
И не слишком ли великолепно
От гремучего парка глазам?

А квакуши, как шарики ртути,
Голосами сцепляются в шар,
И становятся ветками прутья
И молочною выдумкой пар.

30 апр. 37 г.

В.

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа, не знаю чья, жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.

Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.

Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
— Мы вернемся еще — разумеете...

Апр. 37 г.

В.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

ШУТОЧНЫЕ СТИХИ И ЭПИГРАММЫ

ВОРОНЕЖСКИХ ЛЕТ

1

Если бы проведаль Бог,
Что Наташа педагог,
Он сказал бы: ради Бога,
Уберите педагога.

2

— Наташа, как писать: "балда"?
— Когда идут на бал — то: "да"!
— А "в полдень"? — Если день — то вместе,
А если ночь — то не скажу, по чести...

3

О, эта Лена, эта Нора,
О, эта Этна, ИТР.
Эфир, Эсфирь, Элеонора,
Дух кисло-сладкий двух мегер.

4

Эта книжка украдена Трошеею с СХИ,
И резинкою Вадиной для Наташи она омоложена
И ей дадена в день посещения дядина.

5

Источник слез замерз и весит пуд, оковы
Обдуманых баллад Сергея Рудакова.

Искусств приличных хоровода
 Вадим Покровский не спугнет:
 Под руководством куровода, —
 За Стоичевым год от года
 Настойчивей кроликовод.

24. II .37. В.

Девочку в деве щадя, с объяснением юноша медлил —
 И через семьдесят лет молвил старухе*: люблю.

*Перевел с новогреческого
 О. Мандельштам*

*в указанный момент юноше было 88 лет,
 а деве 86 лет.

Мальчика в муже щадя, негодуя, медлила дева
 И через семьдесят лет плюнула старцу в лицо.

(найдено в архиве одной греческой старухи)

Наташа, ах, как мне неловко,
 Что я не Генрих Гейне.
 На Загоровского, на маму,
 То бишь на божию коровку,
 Заказывает эпиграмму.

(отрывок)

Наташа спит. Зефир летает
 Вкруг гофрированных волос.
 У девушек, как всякий знает,
 Сон утренний — источник слез...

Пришла Наташа. Где была?
 Небось, не ела, не пила?
 И чует мать, черна, как ночь,
 Вином и луком пахнет дочь.

Эти стихи сохранились частично в рукописях, частично —
 в памяти Н.Е.Штемпель. (В.Ш.)

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

”ДА, Я ЛЕЖУ В ЗЕМЛЕ, ГУБАМИ ШЕВЕЛЯ”

Да, я лежу в земле, губами шевеля,
Но то, что я скажу, заучит каждый школьник:

На Красной площади всего круглей земля
И скат ее твердеет добровольный,

На Красной площади земля всего круглей,
И скат ее нечаянно раздолжный,

Откидываясь вниз до рисовых полей,
Покуда на земле последний жив невольник.

Май 35 г.

В.

Это стихотворение, без сомнения, написано в Воронеже, однако почему-то не включено в оглавление "Воронежских тетрадей", где его место было бы в "Первой тетради". В рукописях, кроме машинописного окончательного текста, есть два автографа-четверостишия — вероятно, первоначальный вариант последних строк:

Там деготь прогудел, лазурью шевеля:
Пусть шар земной положит в сетку школьник.
На Красной площади всего круглей земля,
Покуда на земле последний жив невольник.

Май 35 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

Мы приводим здесь в ранних редакциях "Стихи о неизвестном солдате" и "Чарли Чаплин".

"Стихи о неизвестном солдате" — одно из наиболее значительных и в то же время трудных для понимания произведений "воронежского" Мандельштама. Он работал над ним долго и мучительно, создавая почти одновременно несколько редакций.

В редакции I оно записано рукой самого поэта на 3 отдельных листочках, им же датировано и подписано.

Редакция II включена в "Наташину книгу" (блок-нот, составивший Вторую и начало Третьей "Воронежских тетрадей") на стр. 37.

Редакция III — с заглавием — сохранилась в архиве редакции журнала "Знамя", куда Мандельштам послал стихотворение со следующим сопроводительным письмом:

В редакцию "Знамя"

Посылаю стихотворение "Неизвестный солдат" в доработанном и развернутом виде.

Прилагаемым текстом *отменяется ранее мной при-
сланный.**

Прошу учесть эти изменения при обсуждении моих стихов.

О. Мандельштам

11 марта 37.

Письмо это написано на страничке, вырванной из "Наташиной книги". К сожалению, в архиве не сохранилось, а потому мы не знаем, какую из редакций Мандельштам посылал сначала. По воспоминаниям Н. Я. Мандельштам, случай с "Неизвестным солдатом" был единственный, когда Мандельштам получил ответ из редакции: "Ответ пришел только один раз — на 'Неизвестного солдата'. Редакция 'Знамени' сообщала, что войны бывают справедливые и несправедливые и что пацифизм сам по себе не достоин одобрения. Но жизнь была такова, что даже этот казенный ответ показался нам благой вестью: все-же кто-то откликнулся и разговаривает!"

Под заголовком "Стихи о неизвестном солдате" окончательный текст включен в оглавление "Третьей Воронежской тетради", где мы его и печатаем. Читатель поймет, что в таком виде посылать стихи в редакции было невозможно.

Стихотворение "Чарли Чаплин" совсем не включено в оглавление "Воронежских тетрадей", однако приводимая здесь редакция его вписана рукой Н. Я. Мандельштам в "Наташину книгу" на обороте листа 38 между стихотворениями "Я молю, как жалости и милости..." и "Я видел озеро, стоявшее отвесно..."

* Подчеркнуто автором. Письмо публикуется впервые.

I

Этот воздух пусть будет свидетелем
Дальнобойное сердце его
Яд Вердена — всеядный и деятельный
Океан без окна — вещество...

Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте
Доброй ночи! Всего им хорошего
От лица земляных крепостей!

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры...

Аравийское месиво, крошево,
Свист размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Свет стоит на подошве /зачеркнуто/ моей, —

Там лежит Ватерлоо — поле новое,
Там от битвы народов светло:
Свет опальный — луч наполеоновый
Треугольным летит журавлем.
Глубоко в черномраморной устрице
Аустерлица забыт огонек,

Смертоносная ласточка шустрится,
Вязнет чумный Египта песок.

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать —
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен, солдат.

Неподкупное небо окопное —
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой, от тебя — целокупное
Я губами несусь в темноте.

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил:
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил.

3 марта 37. В.

II

Этот воздух пусть будет свидетелем —
Дальнобойное сердце его —
Яд Вердена — всеядный и деятельный,
Океан без окна, вещество...

Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте:
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей...

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры...

Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Свет стоит на сетчатке моей, —

Там лежит Ватерлоо поле новое,
Там от битвы народов светло:
Свет опальный — луч наполеоновый
Треугольным летит журавлем.
Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Неподкупное небо окопное —
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой — от тебя — целокупное —
Я губами несусь в темноте, —

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил —
Развороченных — пасмурный, оспенный
И прижизненный гений могил...

2-7 марта 37 г.

В.

III

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Этот воздух пусть будет свидетелем —
Дальнобойное сердце его —
И в землянках — всеядный и деятельный,
Океан без окна, вещество...

Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте:
Доброй ночи! всего им хорошего
От лица земляных крепостей...

Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами,
Ядовитого холода ягодами
Растяжимых созвездий шатры, —
Золотые созвездий жиры...

Аравийское месиво, крошево —
Свет размолотых в луч скоростей —
И своими косыми подошвами
Свет стоит на сетчатке моей, —

Сквозь эфир, десятично-означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молью полей:
И за полем полей — поле новое
Треугольным летит журавлем —
Весть летит светопыльной обновой
И от битвы давнишней светло...

Весть летит светопыльной обновкою:
— Я не Лейпциг, я не Ватерлоо,
Я не битва народов — я новое —
От меня будет свету светло...
Для того ль должен череп развиться
Во весь лоб — от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?

Развивается череп от жизни —
Во весь лоб — от виска до виска,
Чистотой своих швов он дразнит себя,
Понимающим куполом яснится,
Мыслью пенится, сам себе снится —
Чаша чаш и отчизна отчизне —
Звездным рубчиком шитый чепец —
Чепчик счастья — Шекспира отец...

Будут люди холодные, хилые
Убивать, холодать, голодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат, —

Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой, от тебя — целокупное —
Я губами несусь в темноте, —

За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил —
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил...

2-10 марта 37 г.

В.

Н. Я. Мандельштам

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

У вас в руках *Воронежские тетради* Осипа Эмильевича Мандельштама, книга, впервые выходящая приблизительно в том виде, как была сделана самим автором. Это — поздний Мандельштам, стихи, созданные в Воронеже в 1935-1937 годах, годы спустя после выхода последнего при жизни поэта сборника *Стихотворения* (1928).

К началу тридцатых годов Мандельштам оказался в полной изоляции. Его почти (а после 1932 г. — совсем) не печатали; имя его если и упоминалось в критических статьях или литературных обзорах, то только с отрицательным знаком; о нем говорили как о поэте "капиталистического прошлого", отторгнутом советской поэзией и переставшем писать стихи. Мандельштама заживо вычеркивали и из современной русской поэзии, и из истории русской литературы. Между тем, он продолжал жить и писать.

После тяжелого перерыва, когда стихи "оставили" Мандельштама на долгих пять лет, поэзия его обрела новую мудрость и новый голос. Не то чтобы он разучался писать стихи, но для того, чтобы они в нем рождались, необходимо было уяснить свою связь с миром и свое место в нем. Это случилось в 1930 году. "После долгого молчания стихи вернулись к нему в Армении и уже больше не покидали..." — пишет вдова поэта Н. Я. Мандельштам.

Судьба этой книги так же трагична, как и судьба ее автора. Ни одно из этих стихотворений не было напечатано при жизни Мандельштама, половина из них до сих пор не опубликована на родине. Их преследовали, рукописи попадали в обыски, арестовывались... Им грозило уничтожение, как и их создателю. Чтобы спасти стихи, сохранить для нас поэзию и мысль Мандельштама, Надежда Яковлевна Мандельштам выучила их наизусть — со всеми вариантами и разночтениями. Она стремилась сохранить и рукописи: переписывала стихи по многу раз на крохотных листочках, прятала в тайниках, пыталась раздавать знакомым. Мало у кого хватило мужества сберечь эти листочки, и трудно осуждать людей за это — жить было страшно. Посылали Мандельштамы

стихи и в редакции журналов — не столько с целью напечатать, сколько все с той же надеждой, что они уцелеют хотя бы в архивах редакции. Оттуда не приходило даже ответов...

1935-1937 годы для Мандельштамов — трехлетняя воронежская "передышка": они оказались в ссылке в Воронеже. "Передышка" весьма относительная, только по сравнению с полным уничтожением или лагерным сроком, которым грозили Мандельштаму на следствии. И все-таки это была жизнь, и Мандельштаму, человеку, носившему свой свет и свою свободу в себе самом, ее хватило на то, чтобы видеть мир и землю вокруг, думать о бытии и писать стихи. Недавно, читая с американскими студентами *Воспоминания Надежды Мандельштам*, я спросила: а не лучше ли было бы Мандельштамам добровольно уйти из жизни в Чердыни, как пытался Мандельштам, чем потом — всего через четыре года — ему превратиться в "лагерную пыль", а ей начать свою, как она пишет, "посмертную жизнь"? И американец, парень, которому, казалось бы, совершенно невозможно понять Россию и русских с их нечеловеческой жизнью, который к русской поэзии пробивается через огромные препятствия чужого языка и мышления, ответил: но тогда бы у нас не было его стихов!

В Воронеже Мандельштам как будто подводил итоги. А может быть, это так кажется сейчас, а он просто приводил в порядок написанные в последние годы стихи — ведь рукописи до 34-го года пропали при его аресте. В самых обычных блок-нотах с плохой бумагой Мандельштам переписывал — руками жены, конечно, потому что вообще большая часть его стихов записана ею — стихи: созданные в Воронеже и те, которые он написал с тридцатого года, но не успел сделать книгой. Он определял порядок стихов, и в этом порядке они записывались в блок-ноты. Под каждым сам поэт ставил дату и обозначал место написания: В. — Воронеж. Так становилась книга. Вернее даже две книги: *Новые стихи* (1930-1934) и *Воронежские стихи* (1935-1937). Название *Воронежские тетради* — почти случайное, "тетрадами" называли Мандельштамы эти блок-ноты, раньше же Мандельштам записывал стихи на листах, листочках, клочках бумаги. "Солидных" рукописей у него никогда не было. И в то же время *Воронежские тетради* — прекрасно своей простотой (тетрадь — это понятно и памятно каждому, само слово обращает к детству и радости) и связанностью с

местом, где провел поэт "один добавочный день".

Перед отъездом из Воронежа Мандельштам подарил "Воронежские тетради" своему единственному воронежскому другу молодой учительнице Наталье Евгеньевне Штемпель, Наташе. К ней обращены стихи "Клейкой клятвой липнут почки..." и "К пустой земле невольно припадая...". Она любила Мандельштамов, любила и понимала его стихи. Ей трудно было сразу расстаться и с ними самими и со стихами. На одном из блок-нотов, обложка которого сохранилась, написано: "Наташина книга. 1936-1937". Н. Е. Штемпель оказалась верным другом и верным хранителем "Воронежских тетрадей".

Мандельштама арестовали в мае 1938 года. Потом пришло известие о его гибели в лагере. Предвидя годы скитаний, Надежда Яковлевна отдала Наташе письма Мандельштама...

Началась война. Немцы вошли в Воронеж совершенно неожиданно для его жителей. Наталья Евгеньевна вместе с матерью уходила из горящего города пешком. Что могли унести две женщины? Как самую большую ценность Н. Е. Штемпель взяла с собой рукописи Мандельштама. После войны она отдала их Надежде Яковлевне. Может быть, именно такие ситуации имел в виду Михаил Булгаков, утверждая, что "рукописи не горят"? Я бы добавила: рукописи не горят только в очень верных руках.

СПИСОК ЗАГЛАВИЙ И ПЕРВЫХ СТРОК

Чернозем	9
Я живу на важных огородах	10
Я должен жить, хотя я дважды умер	11
Наушники, наушнички мои	12
Пусти меня, отдай меня, Воронеж	13
Это какая улица	14
Еще мы жизнью полны в высшей мере	15
Кама	16
Стансы	19
День стоял о пяти головах. Сплошные пять суток	21
От сырой простыни говорящая	22
За Паганини длиннопалым	23
Возможна ли женщине мертвой хвала	24
На мертвых ресницах Исакий замерз	25
Римских ночей полновесные слитки	26
Исполню дымчатый обряд	27
Бежит волна — волной волне хребет ломая	28
Лишив меня морей, разбега и разлета	29
— Нет, не мигрень, но подай карандашник ментоловый	30
Не мучнистой бабочкою белой	31
Из-за домов, из-за лесов	35
Рождение улыбки	36
Мой щегол, я голову закину	37
Когда щегол в воздушной сдобе	38
Нынче день какой-то желторотый	39
Я в сердце века, путь неясен	40
Не у меня, не у тебя — у них	41
Внутри горы бездействует кумир	42
А мастер пушечного цеха	43
Сосновой рощицы закон	44
Пластинкой тоненькой жиллета	45
Шло цепочкой в темноводье	47
Эта область в темноводье	48
Вежи дальнего обоза	50
Как подарок запоздалый	51

Оттого все неудачи	52
Улыбнись, ягненок гневный с Рафаэлева холста	53
Твой зрачок в небесной корке	54
Я около Кольцова	55
Когда в ветвях понурых	56
Дрожжи мира дорогие	57
Влез бесенок в мокрой шерстке	58
О, этот медленный одышливый простор	59
Что делать нам с убитостью равнин	60
В лицо морозу я гляжу один	61
Не сравнивай: живущий несравним	62
Как землю где-нибудь небесный камень будит	63
Я нынче в паутине световой	64
Еще не умер ты, еще ты не один	65
Слышу, слышу ранний лед	66
Люблю морозное дыханье	67
Куда мне деться в этом январе	68
Как светотени мученик Рембрандт	69
Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева	70
Где связанный и пригвожденный стон	71
Как дерево и медь, Фаворского полет	72
Обороняет сон мою донскую сонь	73
Вооруженный зреньем узких ос	74
Пою, когда гортань — сыра, душа — суха	75
Были очи острее точимой косы	76
Вниз по Каме	77
Еще он помнит башмаков износ	79
Я в львиный ров и в крепость погружен	80
На доске малиновой, червонной	84
Если б меня наши враги взяли	85
Я видел озеро, стоящее отвесно	86
Я молю, как жалости и милости	87
Рим	89
Стихи о неизвестном солдате	91
Я скажу это начерно, шепотом	96
О, как же я хочу	97
Может быть, это точка безумия	98
Тайная вечеря	99

Заблудился я в небе — что делать	100
Заблудился я в небе — что делать	101
Длинной жажды должник виноватый	102
Чтоб приятель и ветра и капель	103
Гончарами велик остров синий	104
Флейты греческой мята и йота	105
Нереиды мои, нереиды	106
Клейкой клятвой липнут почки	107
Спросит гром своих знакомых	108
К пустой земле невольно припадая	109
На меня нацелилась груша да черемуха	111
Я к губам подношу эту зелень	112
Как по улицам Киева-Вия	113

Шуточные стихи и эпиграммы	116
Да, я лежу в земле, губами шевеля	119
Из ранних редакций (Стихи о неизвестном солдате) (Чарли Чаплин)	130

СОДЕРЖАНИЕ

ВОРОНЕЖСКИЕ ТЕТРАДИ

<i>Первая Воронежская тетрадь</i>	<i>7</i>
<i>Вторая Воронежская тетрадь</i>	<i>33</i>
<i>Третья Воронежская тетрадь</i>	<i>81</i>

Приложение первое:

 Шуточные стихи и эпиграммы. *115*

Приложение второе:

 „Да, я лежу в земле, губами шевеля” *119*

Приложение третье:

 Из ранних редакций *121*

Об этой книге —

послесловие Виктории Швейцер 133

Список заглавий и первых строк *137*

This book was printed in an edition of 1800 perfectbound and 200 casebound copies in January 1980. It was designed by Ellendea Proffer and typeset by Carl Proffer. The alphabet used on the front cover and title page was created by Vladimir Favorsky.

Судьба этой книги так же трагична, как и судьба ее автора. Ни одно из этих стихотворений не было напечатано при жизни Мандельштама, половина из них до сих пор не опубликована на родине. Их преследовали, рукописи попадали в обыски, арестовывались. Им грозило уничтожение, как и их создателю.

В настоящем издании „Воронежские тетради” впервые печатаются как единое целое, книгой, в том виде, как она была задумана самим Мандельштамом. Восстановлено деление на „тетради” и определенный поэтот порядок стихов внутри тетрадей. Большая часть текстов сверена и исправлена по рукописям Мандельштама, хранящимся в Принстонском Университете. Впервые публикуются несколько шуточных стихотворений воронежского периода и все варианты „Стихов о неизвестном солдате”.

Издательство „Ардис”

О. Мандельштам, „Камень”, СПб. 1913. Репринт.

О. Мандельштам, „*Tristia*”, П. 1921. Репринт.

О. Мандельштам, „Египетская марка”, Л. 1928.

Репринт.

O. Mandelstam, *The Complete Critical Prose and Letters*. Ann Arbor, 1979.

N. Ya. Mandelstam, *Mozart and Salieri*. Ann Arbor, 1973.